

А. И. Борозняк,
профессор ЛГПУ, г. Липецк

«Нормальная жизнь, оборачивающаяся террором». О современных подходах к истории Третьего рейха

...Ведь в толще лет еще лежат в тени
Забывшие проржавленные мины.

Владимир Высоцкий [1, 156]

В наши дни проблематика нацистской диктатуры остается главной в структуре исторической науки и исторического сознания ФРГ. «Вопреки некоторым опасениям (или надеждам), — уверен профессор Норберт Фрай, — интерес немцев к истории Германии 1933–1945 гг. отнюдь не ослабевает. Он видоизменяется, но в этом нет никакого вреда» [5, 231]. Налицо новое качество научных исследований, налицо не упрощение, но усложнение их содержания.

В последней четверти прошлого века перед исторической наукой ФРГ открылись новые горизонты. Существенно обогатилась источниковая база, инструментарий, технология исследований. Шло формирование социально-критической школы. Вокруг профессоров Билефельдского университета Ханса-Ульриха Велера и Юргена Кокки объединились, по словам их последователя Лутца Нитхаммера, «толковые специалисты, принадлежавшие к социально-либеральному лагерю» и «завершившие свое образование после 1968 г.» [19, 36]. На базе творческого развития научных установок Макса Вебера, признавая определенные достоинства методологии Карла Маркса, они ратовали за комплексный подход к прошлому, за интерпретацию прошлого как совокупности развивавшихся процессов и структур, за учет органической взаимосвязи экономических факторов, форм политического господства и социокультурных феноменов.

Под прямым воздействием общественных движений конца 60-х гг. XX в. (нередко при сопротивлении как со стороны приверженцев традиционных методов, так и со стороны сторонников социальной истории) был достигнут прорыв в исследовании микрокосмоса

общественных отношений в нацистской Германии. Началось (преимущественно на локальном уровне) изучение проблематики истории повседневности — массового поведения и массового сознания, ментальности немцев в условиях Третьего рейха.

Наибольший отклик в ФРГ получили Баварский проект («Бавария во время национал-социализма»), осуществленный под руководством директора Института современной истории Мюнхен Мартина Брошата [8; 10], и Рурский проект («История повседневной жизни и социальной структуры в Рурской области»), выполненный группой Лутца Нитхаммера [18].

Историческая наука вступила в прямое соприкосновение с «обыкновенным фашизмом», с жизнью простых людей, которые не столько творят историю, сколько страдают от истории. Начала осуществляться мечта Вальтера Беньямина, немецкого мыслителя-антифашиста, трагически погибшего в начале Второй мировой войны: «Необходимо реконструировать историю, рассматриваемую с точки зрения жертв, приговоренных к молчанию» [9, 693].

«Речь шла не о новой исторической дисциплине, — заметил профессор Петер Штайнбах, — но о новой перспективе исторического видения. Эти перемены нельзя описать в терминах типа “другая история” или “история снизу”. История повседневности, социальная и региональная история способствуют смене перспективы» [25, 22]. Одновременно ученые предостерегали от односторонности в оценках новых научных направлений, развитие которых, отмечал Ульрих Герберт, не должно «привести к отказу от изысканий, базирующихся на традиционно-научной теории» [15, 26].

Согласно оценке Мартина Брошата, был проложен путь к «казавшемуся неисторическим миру народной жизни» [6, 11–12]. По мнению профессора Генриха Августа Винклера, новое поколение историков приступило к изучению «скрытого для нас измерения исторической реальности». Это имело принципиальное значение, потому что «только из альтернативных источников мы можем узнать, каким был образ мысли немецкого народа в 1933–1945 гг.», его политическое поведение в широком диапазоне от полного одобрения режима до оппозиции [6, 29–30]. Известный исследователь Детлеф Пойкерт отмечал: обращение к реалиям «обыкновенного фашизма» раскрывает «поражающую картину “нормальной жизни”, оборачивающейся

террором» [20, 61]. Режим не только подавлял разум и волю масс, но и не без успеха соблазнял эти массы. Публикации ученых социально-критической школы позволили понять, как действовали механизмы, превращающие нормального человека сначала в «попутчика», затем в соучастника преступлений и — нередко — в палача.

В январе 1995 г., в дни, когда отмечалась пятидесятая годовщина освобождения Освенцима войсками Красной армии, берлинское издательство «Aufbau» объявило о выпуске дневников 1933–1945 гг., принадлежавших ученому-филологу Виктору Клемпереру (1881–1960) [17]. Двухтомник большого формата (около 1600 страниц) разошелся мгновенно, стал общественной и литературной сенсацией. Общий тираж издания составил весьма внушительную для Германии цифру: больше 100 тыс. экземпляров. Опубликована сокращенная версия дневника (в том числе в переводе на русский язык [2]), прошли чтения по радио, снят многосерийный документальный телефильм. Посмертно Клемпереру присуждена премия имени Софи и Ганса Шолль.

Ежедневные записи Клемперера велись профессором, отстраненным от преподавания в Высшей технической школе Дрездена, лишенным достоинства и имущества за свое еврейское происхождение. Это репортаж из преддверия ада Холокоста, рассказ о том, как вокруг автора и его близких сужалось кольцо смерти. Автор дневников не был депортирован и отравлен газом. Он спасся только благодаря усилиям его «арийской» жены Евы Клемперер, которая сумела сохранить дневниковые и научные тексты мужа. Если бы рукописи попали в руки гестапо, супругов ждала бы неминуемая смерть: «Еще месяц-другой и нас или кого-либо подобного нам окончательно уничтожат... Мы продолжаем сидеть здесь в нужде и бесчестье; мы некоторым образом погребены заживо, закопаны в землю уже по шею и со дня на день ожидаем последнего взмаха лопат» [2, 77], — записи такого рода встречаются едва ли не каждый месяц.

Перед нами — кошмарная повседневность Третьего рейха. Требовалась немалая смелость, чтобы замечать и фиксировать детали этой трагедии. Это прекрасно осознавал Клемперер: «Я должен все записывать сейчас, должен, как бы это ни было опасно. В этом мое профессиональное мужество... Делать эти записи — мой долг, моя жизненная задача, моя профессия... Я хочу свидетельствовать, хочу оставить точные свидетельские показания!.. Я хочу до последнего момента

продолжать наблюдать, записывать, анализировать». 31 декабря 1942 г. ученый записывал: «Все, с кем мы встречали прошлый Новый год, стерты с лица земли, умерли, убиты, покончили самоубийством, увезены на погибель... Нас подвергали все новым унижениям, преследованиям, истязаниям, оскорблениям, клеймили позором; убийство всегда было рядом, и на нас тоже попадали брызги крови убитых; каждый день мы ощущали нависшую над нами смертельную угрозу» [2, 119, 137–138, 150, 203, 172].

Дневники Виктора Клемперера стали памятником высокого человеческого мужества, достоинства подлинного интеллигента. «Невыразимый гнет и отвращение, исходящие от продолжающегося режима», приводили автора к неожиданному, казалось бы, выводу, «Я гораздо больше ощущаю стыд, чем страх, — стыд за Германию» [2, 14]. Автору стыдно за немцев, которые «в большинстве своем предпочитают фюрера и рабство и желают смерти науке, свободной мысли духовности и евреям»: «В немецком народе так много летаргии, так много безнравственности и прежде всего так много глупости».

Главной идеей дневника становится идея национальной ответственности немцев перед будущим: «Я не верю больше в здоровую психологию народа. Все, что я считал не свойственным немцам: жестокость, несправедливость, лицемерие, массовый психоз — до полного одурения, — все это сегодня здесь процветает... Народ безмерно поработен и одурманен лживыми измышлениями идеалистически-националистического толка — если когда-нибудь и придет конец, он будет стоять Германии много крови». Клемперер задает главный вопрос — вопрос, обращенный к нам: «Каков же он на самом деле — истинный *vox populi*?» [2, 16, 39, 37, 68, 131].

Без записей Клемперера, без его свидетельств и его предупреждений трудно представить изучение истории нацистского режима. Но у дневников есть еще одна немаловажная грань: они послужили черновиками для подготовки классического исследования Клемперера об официальном языке нацистской Германии — важнейшем средстве манипулирования общественным сознанием. Книга «ЛТИ. Язык Третьего рейха» («*Lingua Tertii Imperii*»), была опубликована в Восточной Германии в 1947 г., неоднократно переиздавалась в ГДР и в ФРГ. После выхода в свет дневников Клемперера его труд, ставший еще при жизни автора памятником филологической науки и антифашистской

публицистики, приобрел второе дыхание, а в 1998 г. был выпущен и в русском переводе [3].

Очевидна органическая взаимосвязь между дневниками и «книгой о языке Третьего рейха». «Моим балансиrom, — писал Клемперер, — все эти годы был дневник, без которого я сто раз мог бы рухнуть вниз. В минуты, когда меня охватывали чувства безнадежности и омерзения, в бесконечной скуке механической работы на фабрике, у постели больных и умирающих, на кладбище, в собственной беде, в моменты унижения, во время сердечных приступов — мне всегда помогал приказ самому себе, наблюдай, изучай, запоминай, что происходит, завтра все представится тебе в другом свете; зафиксируй, как ты это видишь, как на тебя это действует» [3, 19].

В последние годы внимание научной общественности и средств массовой информации ФРГ было привлечено к книге авторитетного публициста и историка Гётца Али «Народное государство Гитлера. Грабеж, расовая война и национальный социализм» [7]. На основе интенсивных разысканий в архивах автор дал новую трактовку важнейшего феномена Третьего рейха — массовой поддержки Гитлера и его режима. С полным основанием Фолькер Ульрих утверждал: «Эта книга относится к тем редким трудам, которые по-новому привлекают наше внимание к самому мрачному периоду германской истории» [11]. Ганс Моммзен причислил работу Али к произведениям, при чтении которых «учащенно бьется сердце» и которые «открывают новые поля исследования» [26].

В сознании большинства граждан Германии в течение нескольких десятилетий жила идея единоличной ответственности Гитлера за германскую катастрофу. Этот удобный тезис, в котором не было места категории национальной вины, надолго определил направленность господствовавших трактовок Третьего рейха. Но нельзя не признать, что огромные массы немецкого населения были в течение 12 лет заражены, охвачены безумием, что рядовые немцы стали соучастниками преступлений режима. Сотни тысяч, миллионы законопослушных, ничем не примечательных немцев стали охранниками в лагерях, полицейскими, солдатами вермахта.

Вопреки болезненно-неприятному отношению большинства современных немцев к этой проблеме, Али вопрошает: «Как немцы могли допустить беспримерные массовые убийства?»; «На чем

базировалась поощряемая государством ненависть против “неполноценных” немцев, против поляков, “большевиков” и евреев?» [7, 35].

В ФРГ ответственность за нацистские злодеяния возлагалась на Гитлера и на отдельных преступников, а в ГДР — на капиталистические монополии. Али дает свой ответ на вопрос о причинах многолетних успехов «фюрера», о причинах поддержки его огромным числом граждан Германии, о высокой степени интеграции немецкого общества в предвоенный и военный период. Автор трактует нацистский режим как «диктатуру услужливости» по отношению к подавляющему большинству немцев. Гитлер и его приспешники «каждый день покупали их открытую поддержку или, по меньшей мере, равнодушие» [7, 36]. Программа «национального социализма» была не только пропагандистским лозунгом, во многом ее реализовывали на практике.

Али убежден, что «криминальная энергия» нацистского рейха имела воплощением «симбиоз народного государства и преступлений». Нацистская идеология, подчеркивая различия вне нации, смягчала классовые различия внутри германского государства, обеспечивая миллионам немцев «спокойное существование и спокойную совесть». На основании многочисленных неопровержимых архивных документов автор утверждает: «Гитлеру удавалось вновь и вновь расширять базу согласия далеко за границы сторонников партии или ее избирателей» [7, 11, 36, 47].

Страх перед повторением ситуации 1918 г., перед военным поражением, голодом, революцией, последующей инфляцией вынуждал диктатуру обеспечивать немцам «безбедное существование, не связанное с личной ответственностью за преступления, но возможное при условии извлечения выгод из массовых преступлений». «Именно эта констелляция, — делает вывод Али, — определила как отсутствие значительного внутреннего сопротивления режиму, так и отсутствие у немцев позднейшего чувства вины» [7, 38].

Имущество депортированных и обреченных на смерть евреев аккуратно распродавалось по дешевке или распределялось под контролем местных партийных бонз. «Холокост, — заключает Али, — остается непонятым, если он не анализируется как самое последовательное массовое убийство с целью грабежа в современной истории» [7, 318].

«Генеральный план Ост», разработка которого началась задолго до 22 июня 1941 г., предусматривал «вытеснение» из европейской части СССР «в сторону Сибири» до 50 млн. славян, место которых должны были занять немецкие колонисты. Вывоз продовольствия с оккупированных территорий СССР означал голодную смерть для десятков миллионов местных жителей. В декабре 1942 г. была издана директива о создании в Южной России «голодной зоны глубиной от 800 до тысячи километров». Гаулейтер Украины Кох указывал в августе 1942 г.: «Снабжение населения Украины не имеет никакого значения». Вывод Али гласит: «Гитлер поддерживал среднестатистического арийца за счет подрыва жизненных основ граждан других стран... В высшей степени бесчеловечный оккупационный режим на территории Советского Союза, нацеленный на голод, нищету и смерть, был подчинен задачам будущего повышения жизненного стандарта немцев» [7, 198, 37, 344]. К аналогичному выводу приходит российский автор Михаил Швыдкой: «Фашистское государство гарантировало определенный социальный пакет законопослушным гражданам, требуя взамен душу и честь» [4].

Особое внимание Али уделяет эксплуатации насильно угнанных в Германию рабочих. Якобы заработанные остарбайтерами деньги (при том, что они фиктивно оплачивались на 15–40 % меньше, чем немцы на тех же работах) переводились на счета филиалов немецких банков и могли быть получены только после победы Германии в войне. Это были, по подсчетам автора, 13 млрд. рейхсмарок или 130 млрд. евро [7, 188].

Перефразируя слова философа-антифашиста Макса Хоркхаймера: «Молчащий о капитализме не должен рассуждать о фашизме», Али завершает книгу собственным выводом: «Тот, кто не желает говорить о выгодах миллионов простых немцев, пусть молчит о национал-социализме и Холокосте» [7, 362].

Выводы Гётца Али нашли убедительное подтверждение: в 2009–2011 гг. были опубликованы (сначала фрагменты, а затем и полный текст) дневники скромного судейского чиновника Фридриха Келльнера (1885–1970) [23, 16]. Он работал в Майнце на должности инспектора административного суда. За несколько дней до захвата власти нацистами Келльнер был переведен на новое место службы в заштатный провинциальный городок Лаубах (земля Гессен),

где ничего не знали о его прежнем членстве в социал-демократической партии. Он ничем не выделялся из чиновничьей среды низшего и среднего ранга, исправно исполняя возложенные на него функции. Нацистские преследования обошли его стороной. Но с осени 1938 г. по май 1945 г. он день за днем аккуратным старомодным почерком вел записи в дневнике, скрывая их (сохранилось 10 заполненных конторских книг большого формата) в надежном месте. Рукописи хранились в семье Келльнера, после его смерти несколько раз предлагались издателям, не вызвав никакого интереса. И только тогда, когда исследование проблематики Третьего рейха вышло в ФРГ на новый уровень, вопрос о публикации был решен.

У Келльнера не было других источников информации, кроме наблюдения за повседневной жизнью городка и внимательного изучения нацистской (по преимуществу локальной) прессы. В дневнике нет упоминаний о передачах иностранного радио. Но Келльнер подробно фиксирует происходивший на глазах равнодушных соседей разгром городской синагоги, депортацию евреев Лаубаха на верную смерть в концлагеря, отправку в газовые камеры душевнобольных и инвалидов, преступления вермахта на территориях Польши и Советского Союза... «Записи Келльнера, — указывала газета «*Süddeutsche Zeitung*», — доказывают то, что столь часто опровергается: у каждого, кто жил в Германии в 1939–1945 гг., была возможность узнать о том, что происходит, как в действительности развиваются военные действия. И никто не мог “ничего не знать” о преступлениях нацистской системы, включая уничтожение евреев» [27].

Уже поэтому ценность дневников Келльнера можно было бы оценить достаточно высоко. Но незаметный чиновник юридического ведомства выступил в роли серьезного аналитика и гневного обвинителя нацистского рейха. Предметом его мучений было то, что большинство немцев безгласно поддерживало режим. Он нередко задумывался о том, какой будет Германия после неминуемого краха преступного режима. Он рассчитывал на то, что его дневник окажется полезным в будущем.

На первой странице дневника (26 сентября 1938 г., канун Мюнхенского сговора) Келльнер записал: «Смысл моих записей состоит в том, чтобы зафиксировать нынешние настроения вокруг меня для того, чтобы в будущем не возник соблазн изобразить это время как

“героическое”». И через год с небольшим, 30 июня 1939 г.: «Моя цель — передать потомкам подлинную картину действительности». Что касается «картины духовного состояния немецкого народа», то она представляла абсолютно безрадостной: «Вот судьба моей бедной, достойной сожаления родины: лучшие люди живут как отшельники, у власти находятся подлые, грубые палачи»; «Я вынужден констатировать, что примитивность мышления немецкого народа достигла той точки, которую трудно превзойти... В мозгах — сплошной туман и сплошная тьма». После нападения нацистов на Советский Союз Келльнер нашел в глубине души столь редкие для тогдашних немцев горькие и справедливые слова: «Эти преступления никогда не смогут быть стерты из памяти»; «Их невозможно вычеркнуть из истории человечества. Наше правительство убийц навек осквернило имя Германии» [23, 13, 12, 6, 14].

Особый интерес представляют страницы дневников Келльнера, касающиеся разгрома вермахта под Сталинградом. 18 января 1943 г. он записывал: «Армия, которая пыталась окружить русских, сама окружена в Сталинграде и исчезнет с лица земли... Сталинград станет страницей славы для русских». Произошел «драматический поворот на театре военных действий в России», и впереди лишь «отсрочка гибели». Запись следующего дня: «Сталинград — русский город и останется русским». 26 января: «Народная масса чересчур глупа, чтобы понять подлинное положение вещей... Нужно пережить еще несколько крупных ударов, чтобы немецкий бюргер усвоил то, что произойдет в ближайшем будущем. У немецкого народа отняли мужество, и властители обращаются с ним, как с недееспособным ребенком... Ситуация в Германии приближается к катастрофической». 4 февраля: «Большинство немцев не имеет представления о поражении под Сталинградом. Все же выросло число тех, кто начинает размышлять. Но широкая масса все еще не знает, что же, собственно, произошло... Нужно еще немало крупных поражений, чтобы нанести смертельный удар по вере народа» [16, 382, 386–387, 395].

Каким должен быть грядущий суд над преступниками и их пособниками? Выводы Келльнера радикальны: «Не существует наказания, которого достойны эти нацистские бестии... 99 процентов немецкого населения прямо или косвенно виновны в сегодняшнем состоянии дел». Заслуживает особого внимания его предостережение:

«В особенности надо следить за тем, чтобы эти бандиты не уподобились хамелеонам и мгновенно не поменяли цвет своей кожи». Какой будет послевоенная Германия (запись от 10 апреля 1945 г.)? Келльнер высказывает обоснованные сомнения: «Сможет ли немецкий народ по собственной инициативе создать новое государство — свободное от сумасшедших идей? В этом отношении я не очень-то оптимистичен... Мозги людей полны отравы. Немецкий народ в массе своей душевно болен, а душевные болезни очень трудно излечиваются». Автор дневника ощущал внутреннюю сопричастность с активными борцами Сопротивления. 8 мая 1945 г. (это завершающий текст дневника): «Немцы, сохранившие разум и зрение, в течение 12 лет активно и пассивно выступавшие против режима, могут гордиться, чувствуя, что их борьба была не напрасна» [23, 24, 26, 28, 34].

В октябре 2010 — феврале 2011 гг. в Германском историческом музее в Берлине работала выставка «Гитлер и немцы. Народная общность и преступления», которую, в известной степени можно считать продолжением дискуссии о книге Гётца Али. На страницах обстоятельного тома, выпущенного к открытию экспозиции, опубликованы статьи ведущих историков ФРГ, которые с различных сторон рассматривают большую и необычайно важную проблему массового воздействия нацистской диктатуры. По мнению профессора Михаэля Вильдта, в Германии 1933–1945 гг. существовал «социальный политический строй, основанный на расовом неравенстве и обеспечивавший немцам материальные и нематериальные выгоды и участие в системе власти». Это был режим, основанный на «бессилии жертв и всевластии палачей», режим, «условием существования которого было преследование и изгнание противников» [28, 93]. Профессор Томас Зандкюлер считает, что Третий рейх обещал и в известной степени обеспечивал своим гражданам — в обмен на «готовность к согласию, основанную на самых разных причинах», — «социальную мобильность и расширение степени участия в общественной жизни». Продолжая тезис о «готовности к согласию», историк возвращается к проблеме национальной вины и национальной ответственности немцев: «Преступления на Востоке в большинстве случаев совершались самыми обычными людьми. Те немцы, которые непосредственно не участвовали в злодеяниях, хорошо знали о том, в какую политику они вовлечены и какие следствия это будет иметь в будущем» [24, 128].

Примечательно мнение журналиста и культуролога Клаудиуса Зайдля: «Причина того, что господство нацистов длилось 12 лет, состояла не только в том, что преступная клика находилась во главе государства и его институтов. Это господство смогло удержаться потому, что слишком многие немцы были коррумпированы, аморальны и жестоки, извлекая прибыль из злодеяний режима» [12].

Особая ответственность ложится ныне на плечи вступающего в жизнь поколения современных немцев, которые задают нелицеприятные вопросы: «Как бы ты поступил в подобных условиях?»; «Отвечают ли взрослые дети за дела своих дедов и прадедов?». Это, по словам публициста Франка Ширрмахера, «вопросы, обращенные к будущему, вопросы, ответить на которые зачастую невозможно» [13]. Молодой ученый Мориц Пфайфер, учившийся у профессора Вольффрама Ветте и выпустивший недавно книгу об участии своего деда во Второй мировой войне, приходит к непростому заключению о том, что потомки должны обладать «особой ответственностью: учиться у прошлого — здесь и сейчас» [21, 174]. На наших глазах, констатирует профессор Петер Райхель, формируется «вторая история национал-социализма», «длящаяся до сегодняшнего дня, наполненная конфликтами история преодоления стыда и отторжения стыда, социальной памяти и социального забвения, историографических толкований и нового прочтения» [22, 10]. Обращение к проблематике «обыкновенного фашизма» — это, я вновь процитирую Норберта Фрая, не «подведение итогов под прошлым», но «драматическая эволюция содержания и форм представлений о прошлом» [14, 8].

Список источников и литературы

1. Высоцкий В. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1991.
2. Клемперер В. Свидетельствовать до конца. Из дневников 1933–1945. М., 1998.
3. Клемперер В. ЛГП. Язык Третьего рейха. М., 1998.
4. Российская газета. 29.V.2013.
5. Фрай Н. Государство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия. 1933–1945. М., 2009.
6. Alltagsgeschichte der NS-Zeit. Neue Perspektive oder Trivialisierung? München, 1984.
7. Aly G. Hitlers Volksstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus. Frankfurt a. M., 2005.

8. Bayern in der NS-Zeit. Bd. 1–6. München, 1977–1983.
9. Benjamin W. Gesammelte Schriften. Bd. 2. Frankfurt a. M., 1980.
10. Broszat M., Fröhlich E. Alltag und Widerstand — Bayern im Nationalsozialismus. München, 1987.
11. Die Zeit. 10.III.2005.
12. Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung. 10.IV.2011.
13. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 15.III.2013.
14. Frei N. 1945 und wir. Das Dritte Reich im Bewußtsein der Deutschen. München, 2005.
15. Herbert U. Vor der eigenen Tür // Nazis und Nachbarn. Schüler erforschen den Alltag im Nationalsozialismus. Reinbek, 1982.
16. Kellner F. «Vernebelt, verdunkeln sind alle Hirne». Tagebücher 1939–1945. Bd. 1–2. Göttingen, 2011.
17. Klemperer V. Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1933–1945. Bd. 1–2. Berlin, 1997.
18. Lebensgeschichte und Sozialstruktur im Ruhrgebiet. Bd. 1–3. Bonn, 1983–1985.
19. Niethammer L. Nun muß zusammenwachsen, was sich auseinanderentwickelt hat // Historische Orientierung und Geschichtskultur im Einigungsprozeß. Rehburg-Loccum, 1991. S. 36.
20. Peukert D. Alltag und Barbarei // Ist der Nationalsozialismus Geschichte? Zu Historisierung und Historikerstreit. Frankfurt a. M., 1987.
21. Pfeiffer M. Mein Großvater im Krieg. 1939–1945. Erinnerung und Fakten in Vergleich. Bremen, 2012.
22. Reichel P. Vergangenheitsbewältigung in Deutschland. Die Auseinandersetzung mit der NS-Diktatur von 1945 bis heute. München, 2001.
23. Roth M. Chronist der Verblendung. Friedrich Kellners Tagebücher 1938/1939 bis 1945. Bonn, 2009.
24. Sandkühler Th. Krieg, Kampf um «Lebensraum» und Vernichtung. Der nationalsozialistische Krieg // Hitler und die Deutschen. Volksgemeinschaft und Verbrechen. Dresden, 2010.
25. Steinbach P. Kleine Stadt und große Geschichte // Lernort Dachau. München, 1988.
26. Süddeutsche Zeitung. 10.III.2005.
27. Süddeutsche Zeitung. 14.VI.2011.
28. Wildt M. «Volksgemeinschaft» als Selbstermächtigung. Soziale Praxis und Gewalt // Hitler und die Deutschen. Volksgemeinschaft und Verbrechen. Dresden, 2010.